

ВОЙНА Цѣна отд. № 15 коп. **НОВЫЙ** САТИРИКОН На ст. жел. д. 20 коп.

№ 5

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916
28 ЯНВАРЯ

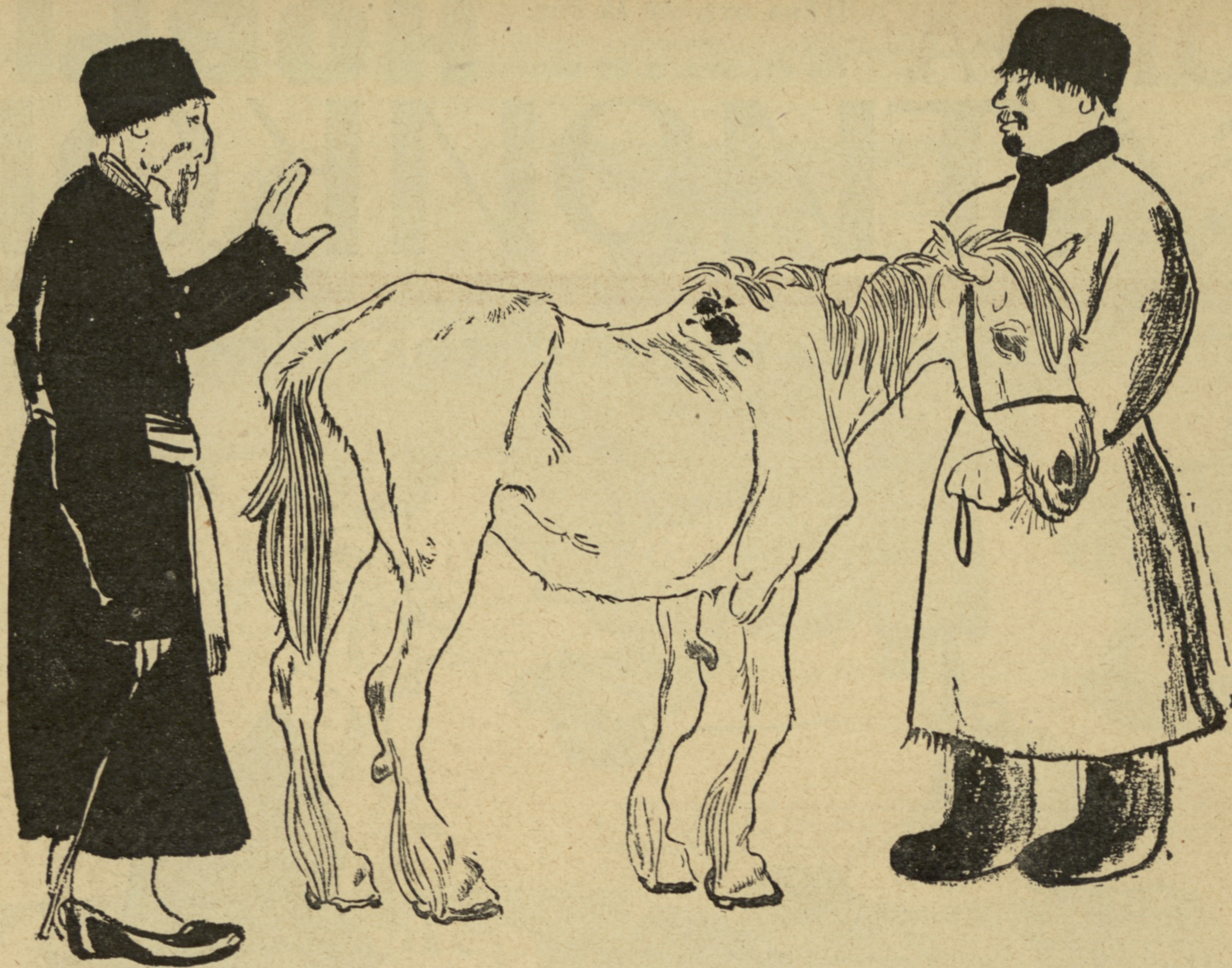
Рис. Ре-ми.

КОМУ ВОЛЬГОТНО, ВЕСЕЛО, И Т. Д.

„На-дняхъ мы имѣли случай бесѣдовать съ однимъ изъ представителей желѣзнодорожнаго вѣдомства“.
(Стереотипная фраза газетнаго интервью.)

Синьщикъ вагонозъ: — Вотъ всѣ говорятъ: „Мяса нѣтъ! Кризисъ съ бумагой!“ Вздоръ! Даже я — на что маленькій человекъ — и то каждый день имѣю барашка въ бумажкѣ!

Д Р А М А Л О Ш А Д И.

— А ты ее зачѣмъ продаешь-то?

— Порченная. Какъ была монополія, она у каждой винной лавки останавливалась, а теперь бѣжить, бѣжить и такъ вдругъ жалобно кричать начнетъ, что всѣ плачутъ.

ПРОТОКОЛЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Съ журфикса на таксомоторѣ Олегъ
Съ тремя подчиненными ѣдетъ.
У дамы одной приготовлень ночлеги,
И дамой онъ вслухъ чуть не бредитъ.
И вдругъ говоритъ: — Если я не умру,
Дарю приближеннымъ моимъ по ковру.

* * *

Вдругъ, радостно вскрикнувъ, его адъютантъ
Шоферу головкой киваетъ:
— Ахъ, ваше-ство, тутъ вотъ живетъ хиромантъ,
Онъ всѣмъ такъ прекрасно гадаетъ.
Олегъ востепенулся: — Что ждешь впереди?
И тихо сказалъ адъютанту: — Веди.

* * *

Вошли къ хироманту. У грязныхъ дверей
Давились отъ сытаго смѣха.
Увы, хиромантъ былъ — безправный еврей
И жилъ по малярному цеху.
И вышелъ онъ робкій, съ пятеркой въ рукѣ,
Въ блестящемъ отъ пятенъ и лѣтъ сюртукѣ.

* * *

— Что я испытаю, — Олегъ спросилъ, —
Любовь ли, ударъ, или разлуку?
И сталъ хиромантъ, выбиваясь изъ силъ,
Вертѣтъ благородную руку.
— А чортъ тебя знаетъ, — подумалъ бѣднякъ, —
Пріѣхалъ накрытъ, или, можетъ быть, такъ!...

* * *

— Открой мнѣ всю правду: сырая земля
Возьметъ ли меня въ свои нѣдра?
Наврешь, я тебѣ не отдамъ и рубля,
За правду жъ получишь ты щедро.

— Какой бы придумать хорошій отвѣтъ:
Быть можетъ, онъ приставъ, а можетъ и нѣтъ.

* * *

— Съ васъ денегъ не нужно мнѣ вовсе. Зачѣмъ?
Визитъ вашъ — вотъ вся и награда.
Совѣтомъ своимъ помогаю я всѣмъ,
А трешницы вашей не надо!
Самъ думаетъ робко, дрожащій, какъ листъ:
«Возьму — все равно унесетъ паспортистъ».

* * *

— Вы будете очень довольны судьбой,
Вамъ скоро къ окладу прибавятъ;
Вы очень пикантны и свѣжи собой,
И женщины васъ не оставятъ.
Здоровьице ваше въ порядкѣ,
Но — примете смерть отъ лошадки.

* * *

Сказалъ и залпнулся: вдругъ худо сказалъ...
И лѣзетъ руками въ карманы:
Обидится, крикнетъ, устроитъ скандалъ —
Тогда — собирай чемоданы.
Олегъ усмѣхнулся и молвилъ: — Мерси.
Вотъ — трешница. Больше не дамъ — не проси.

* * *

Ны улицу вышли. Проснулся шофферъ,
Уснувшій на лавочкѣ сладко,
И вдругъ на трамвай устремляетъ свой взоръ,
Олегъ взобрался на площадку.
— Не хочется мнѣ еще въ адъ или въ рай:
Отнынѣ будь другомъ, спокойный трамвай.

* * *

Вотъ ѣдетъ печальный Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и скучные гости.
— Того хироманта ужъ выгнать пора —

Онъ думаетъ, въ яростной злости.
— Среди лошадей онъ нашель мнѣ врага,
Но все же — везите меня на бѣга.

* * *

Олегъ на бѣгахъ. Подопрѣтый виномъ,
Сегодня онъ какъ-то въ ударѣ:
На трехъ лошадей онъ поставилъ въ двойномъ,
На шесть остальныхъ въ ординарѣ.
Пять разъ фаворитъ у столба проскакалъ.
Олегъ усмѣхнулся — и все проигралъ.

* * *

— Несчастье! — вскричалъ онъ. — Судьба, пожалѣй!
Нельзя обращаться такъ гадко!
Казенныхъ 7015 рублей
Онъ ставитъ, грустя, на лошадку.
Опять проигралъ. Тяжело самому.
Олегъ усмѣхнулся. Посадятъ въ тюрьму.

* * *

Олегъ вспоминаетъ: — Кто мнѣ предсказалъ
Погибнуть печально отъ твари?!
Вдругъ вспомнилъ. Скорѣе извозчика взялъ
И ѣдетъ во тьму канцелярій.
И вышелъ оттуда суровый приказъ:
«Абрамъ Шепшелевичъ, — убираться сейчасъ!»

* * *

Абрамъ Шепшелевичъ не очень ужъ франтъ:
Багажъ — только сѣрья брюки.
Къ вокзалу плетется съ семьей хиромантъ, —
Взявъ движимость цѣнную въ руки.
И думаетъ горько: — Не городъ — краса,
А надо убраться въ четыре часа.

* * *

Пируетъ въ шантанѣ веселый Олегъ:
Что сотня тутъ лишняя значить...
Выходитъ и молча садится на снѣгъ
И долго, обиженный, плачетъ:
Во вторникъ гражданскія власти придуть
И тихо Олега въ тюрьму уведуть...

Арк. Буховъ.

ОГНЕУПОРНАЯ ШАПКА.

Мнѣ указали на одного начальника станціи, который
разными комбинаціями съ нарядами на вагоны нажилъ сто
тысячъ.

Я подошелъ къ нему и сказалъ:
— Какая у васъ прекрасная шапка.
— Да, — отвѣчалъ онъ. — Это форменная, красная.
— Да, да. Красная. Какъ огонь.
— Форменная. У насъ у всѣхъ такія.
— Неужели? Прямо будто пламя пылаетъ.
— Да...
— Будто горитъ.
— Да.
— Я говорю: шапка будто горитъ.
— Это только кажется.
— Нѣтъ! Я прямо-таки вижу: на васъ шапка горитъ!
— Что вы! — усмѣхнулся онъ. — Какъ же шапка на
мнѣ можетъ горѣть — вѣдь она казенная! А казенное иму-
щество, сами знаете, въ огнѣ не горитъ, и такъ далѣе.

Молча, задумчиво я отошелъ отъ него.

Это былъ единственный разъ, когда я пожалѣлъ: почему
иногда казенное имущество не горитъ.

Медуза-Горгона.

ФАТАМОРГАНА.

Зубной врачъ говоритъ пациенту:

— Если вы будете у меня лѣчиться, то у васъ будутъ
такіе крѣпкіе зубы, что вы сможете лежать на мостовой,
открывъ ротъ, и, когда автомобиль переѣдетъ васъ и коле-
сомъ заѣдетъ въ ротъ, то вы, если захотите, вопьетесь зу-
бами въ резину, и автомобиль остановится, какъ вкопан-
ный. Съдоки и шофферъ сойдутъ съ автомобиля и будутъ
униженно просить васъ: «Ради Бога, пожалѣйте насъ и
разожмите челюсти»... Вы улыбнетесь одними глазами,
разожмете челюсти, и автомобиль будетъ спокойно про-
должать свой путь...

Е. З.

Рис. Б. Григорьева.

БУКВАЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ.

— Мужъ утверждаетъ, что платитъ за шляпу полтора рубля —
грѣхъ. Но я говорю: пусть этотъ грѣхъ падетъ на мою голову.

Въ скоромъ времени выйдетъ
V-й сборникъ пьесъ
== Аркадія Аверченко ==
„БЕЗЪ СУФЛЕРА“
(„Дѣточка“, „Телефонъ № такой-то“, „Программа
кинематографа“ и др.).

УЗКІЙ КРУГОЗОРЪ.

- Надо подмазаться...
- Къ мужу?
- Нѣтъ, лично: въ концертъ ѣду.

КРАСИЛЬНИКОВЪ И МЫ ТРОЕ.

Разсказъ Арк. Аверченко.

Всѣ мы мѣряемъ только на свой аршинъ, и каждый изъ насъ стоитъ только на своей точкѣ зрѣнія.

И какъ стоитъ! Уцѣпившись за эту точку зрѣнія, какъ коршунъ цѣпкими, крючковатыми когтями. Даже тычками и побоями не сгонишь его съ принадлежащей ему точки зрѣнія. Тепло ему на ней и уютно.

«Моя точка зрѣнія» — больше ему ничего не нужно, ничьей другой точки. И кто возвысится до многогочія — тотъ мудрецъ.

Но мало мудрецовъ и, поэтому жизнь эгоистична, окупа и жестка, какъ солдатская подошва:

— Съ моей точки зрѣнія я правъ; съ моей точки зрѣнія вы дуракъ; съ моей точки зрѣнія это весело; съ моей точки зрѣнія такъ вамъ и надо!

У насъ у трехъ были свои точки зрѣнія; у Красильникова своя. Никто изъ насъ даже на минуту не подумалъ стать на его точку зрѣнія — поэтому все и произошло.

* * *

Въ жаркій лѣтний полдень мы трое изнывали въ бездѣльѣ, расположившись, какъ кто хотѣлъ, въ моей редакторской комнатѣ: поэтъ Кувшиновъ лежалъ на широкой оттоманкѣ; художникъ Крысаковъ въ углу, сидя на маленькой скамеечкѣ, зарисовывалъ чей-то профиль; я, откинувшись въ креслѣ, бокомъ къ письменному столу и положивъ ноги на подоконникъ, лѣниво просматривалъ кипу рукописей.

— Этотъ проклятый Красильниковъ никогда не отвыкнетъ отъ безграмотности, — пробормоталъ я. — У него въ разсказѣ есть такая фраза: «Сидя съ Леночкой на кушеткѣ, онъ цѣловалъ ея ножки»... Чьи ножки, чортъ его возьми?

— А вотъ онъ и самъ идетъ, — замѣтилъ Кувшиновъ, оборачивая лицо къ открытой двери.

У насъ уже такъ установилось, что съ Красильниковымъ — человѣкомъ недалекимъ — никто серьезно не разговаривалъ: или сообщали ему тутъ же измышленныя сенсационныя новости или просто замѣчали:

— Чудесный разсказъ у васъ былъ въ «Нивѣ».

— Да я такъ не пишу, что вы!

— Какъ не пишете? А разсказъ «Вережка», подписанный Н. Крутиковъ, развѣ не вашъ?

— Нѣтъ, что вы! Онъ же Крутиковъ, а я Красильниковъ.

— А вѣдь вѣрно! А мы нынче получили отъ редактора парижской «Temps» письмо... Спрашиваетъ, кто такой Красильниковъ и не можетъ ли онъ у нихъ сотрудничать? Заинтересовался.

— Ну? А я же по-французски не пишу.

— Ну, и пеняйте на себя. Значитъ, все дѣло разстроилось.

Но въ этотъ томительный жаркій полдень даже такіе разговоры съ Красильниковымъ не шли на умъ.

Только поэтъ Кувшиновъ, по привычкѣ, лѣниво замѣтилъ:

— А, Красильниковъ... Такъ-съ, такъ-съ... Слышали! Нечего сказать, хорошъ!

— А что такое? Что вы слышали? — забеспокоился Красильниковъ.

Такъ какъ поэтъ вообще ничего не слышалъ, а придумывать ему было лѣнь, то онъ ограничился тѣмъ, что перебросилъ мячъ дальше:

— Да ужъ знаемъ! Нечего притворяться удивленнымъ... Вотъ вамъ Крысаковъ можетъ разсказать все подробно... Не ожидалъ я этого отъ васъ, не ожидалъ...

— Въ чемъ дѣло, Крысаковъ? — повернулся къ нему встревоженный Красильниковъ. — Что случилось?

Но и Крысакову было лѣнь вытягивать самому этотъ неуклюжій возъ.

— Что случилось? — патетически воскликнулъ онъ. — Эхъ, Красильниковъ, Красильниковъ! И вы это спрашиваете у меня? Да можете ли вы смотрѣть мнѣ прямо въ глаза? Нѣтъ, Красильниковъ! Или вы издѣваетесь надъ нами, или... или... нѣтъ, я просто не нахожу словъ!...

— Да въ чемъ же, наконецъ, дѣло? — завопилъ поблѣднѣвшій, какъ бумага, на которой онъ писалъ свои топорные

разсказы, Красильниковъ. — Я, наконецъ, требую, чтобы вы сказали... Если я въ чемъ-нибудь виноватъ, я извинюсь, конечно, но...

— Послушайте, — тихо сказалъ Крысаковъ, и въ голосъ его дрогнула слеза. — Все это такъ тяжело, такъ невыносимо, что... Да что тамъ говорить объ этомъ! Ротъ тутъ, видите? Вотъ тутъ бьется сердце, которое васъ, можетъ быть, любило — и что же!... Да нѣтъ, не могу я... Вотъ тутъ давитъ... Пусть вамъ редакторъ самъ скажетъ...

По обыкновенію, эти негодяи всю фактическую часть постарались свалить на меня. Они запутывали, а я всегда долженъ былъ распутывать.

Но на этотъ разъ никакая мысль не рождалась въ развращенной зноемъ головѣ...

— «Редакторъ, редакторъ»... — вскричалъ я. — А редакторъ не человѣкъ, что ли? Если вамъ обоимъ такъ тяжело говорить объ этой ужасной исторіи, то почему мнѣ легко?...

— О какой исторіи? — спросилъ дрожавшій Красильниковъ, бессильно опускаясь на стулъ. — Какая исторія?

— И вы это спрашиваете — меня? Меня? — захныкалъ я. — И вы можете мнѣ прямо посмотрѣть въ глаза? О, Красильниковъ! Ну, глядите же въ эти честные глаза... Ага! Вы не можете смотрѣть! Вашъ взглядъ бѣгаетъ... Довольно! Теперь я увѣрился...

— Въ чемъ, въ чемъ? — чуть не рыдалъ Красильниковъ.

— Въ чемъ? Я не хотѣлъ поднимать разговора объ этой тяжелой для васъ и для меня исторіи, но началъ разговоръ безтактный Кувшиновъ. Пусть же онъ вамъ и объяснитъ все.

— Кувшиновъ! Ради Бога, въ чемъ дѣло?...

Кувшиновъ спустилъ ноги съ дивана, сложилъ руки на груди и, опустивъ голову, торжественно и мрачно началъ:

— Господинъ Красильниковъ! Вы сами понимаете, что... не время да и не мѣсто говорить обо всемъ этомъ. Здѣсь редакторскій кабинетъ, а не... а не какая-нибудь другая комната!... Это — храмъ! А въ храмѣ о такихъ поступкахъ, какъ вашъ, не говорятъ! Это оскверненіе святыни! Вы спрашиваете — «въ чемъ дѣло?» — ха-ха! Вы это спрашиваете у меня? Но почему вы не спрашиваете у художника Крысакова, который самъ изъ первыхъ устъ узналъ объ этомъ страшномъ эпизодѣ!

— Крысаковъ! Я васъ умоляю — въ чемъ дѣло? Я вѣдь спать не буду, если не узнаю!

— И не спите! — истерически закричалъ Крысаковъ, стуча кулаками по столу. — И не спите! Вамъ теперь нельзя спать. Я бы удивился, если бы вы спокойно спали... Боже мой, Боже мой... Будь это еще мужчина, а то вѣдь женщина... Слабая, прекрасная женщина...

— Что женщина? Какая женщина? Что съ ней случилось.

— Вамъ это лучше знать, — криво улыбнулся Крысаковъ. — Вамъ и... и редактору. Онъ вѣдь тоже немного въ этомъ замѣшанъ.

И опять этотъ дурацкій запутанный клубокъ безъ начала и конца вернулся ко мнѣ...

— Да я замѣшанъ! — воскликнулъ я. — Но какъ? Въ самомъ благородномъ смыслѣ. Я даже далъ слово ничего объ этомъ не говорить... И я сдержу это слово!... Впрочемъ, вотъ что, Красильниковъ. Отвѣтите мнѣ только на одинъ вопросъ: вы вѣдь бывали въ Киевѣ?

— Да... я тамъ жилъ четыре года... А что?

— Ага! — сказалъ поэтъ. — Уже онъ сознается! Онъ уже это призналъ!

— И тамъ у васъ были знакомые? — нахмурившись спросилъ я.

— Д... да, были.

— Ну вотъ! Больше намъ ничего и не надо... Ахъ, Красильниковъ, Красильниковъ.

— О какихъ знакомыхъ вы говорите? — взволнованно спросилъ Красильниковъ. — О Маевскихъ?

— Да-съ! — загремѣлъ Крысаковъ. — Именно о Маевскихъ! Теперь вы все понимаете?

— Ей Богу, не понимаю...

— О-о, Красильниковъ... Вы хитрая штучка, и васъ не всякій раскуситъ... но я васъ понимаю! Довольно!

— Послушайте!! — стирая руки, бросился ко мнѣ Красильниковъ. — Вы обязаны сказать мнѣ, такъ же нельзя...

— Какъ?! Вы спрашиваете меня? *Меня?* Но вѣдь я же связанъ словомъ, вы знаете...

— Я не знаю, ей Богу!!

— Хорошо: я вамъ скажу только два слова: золотой медальонъ! Бѣлокурые волосы!

— К...к-какой медальонъ?!

— Довольно, — сказалъ поэтъ, которому уже захотѣлось спать. — Больше вы отъ насъ не услышите ни слова. Остальное — дѣло вашей совѣсти. Если редакторъ устроитъ товарищескій судъ сотрудниковъ, то... впрочемъ, что объ этомъ говорить, когда такъ болитъ сердце!...

Онъ легъ на оттоманку и отвернулся къ стѣнѣ.

Красильниковъ бросился къ Крысакову, но тотъ сурово отвелъ его рукой, вооруженной карандашемъ... Красильниковъ обратился на меня растерянный взоръ, но я только молча пожалъ плечами...

Онъ постоялъ еще съ минуту и вышелъ, спотыкаясь.

— Здорово мы его разогрѣли, — замѣтилъ Крысаковъ. — Что это за медальонъ, о которомъ вы ему говорили?

— Такъ просто, на языкъ подвернулось.

— Жаль, что ничего лучше не придумалось. Вообрази себѣ, Кувшиновъ...

Но Кувшиновъ уже ничего не могъ вообразить себѣ: онъ спалъ.

* * *

Прошло двѣ недѣли.

Снова мы трое собрались въ моемъ редакторскомъ кабинетѣ. Только на этотъ разъ на оттоманкѣ лежалъ я, а поэтъ Кувшиновъ за моимъ письменнымъ столомъ переписывалъ стихи...

— Скучно какъ, — замѣтилъ Крысаковъ.

— Хотъ бы Красильниковъ пришелъ, — буркнулъ подъ носъ поэтъ. — Все-таки, какую-нибудь штуkenцію выкинули бы...

А я промолвилъ:

— Давно ужъ онъ не показывался.

* * *

Въ сентябрѣ вся редакция устраивала какую-то юбилейную вечеринку.

Было около 11 часовъ... Веселье и смѣхъ уже достигли апогея, когда въ комнату какъ-то бочкомъ, робко протиснулся Красильниковъ.

Онъ остановился посрединѣ комнаты и принялся оглядывать всѣхъ насъ близорукими глазами.

— Красильниковъ, дуся! — вскричалъ Крысаковъ. — Что это вы запропали? Да Боже мой, что съ вами? Вы такъ похудѣли, что на васъ смотрѣть страшно?

— Больны вы были? — спросилъ Кувшиновъ. — Случилось что-нибудь? Влюбились?

— Нѣтъ, что вы, — неувѣренно улыбнулся Красильниковъ. — Только я все это время не находилъ себѣ мѣста... Скажите, господа, хотъ сейчасъ — въ чемъ дѣло?

— Какое дѣло? Что такое?

— Въ чемъ я провинился? Что за исторія? Какой медальонъ? — умоляюще поглядѣлъ на насъ Красильниковъ.

— Медальонъ? — спросилъ полный недоумѣнія Крысаковъ. — Кой чортъ вы толкуете о медальонѣ?

Очевидно, всѣ мы трое такъ добросовѣстно забыли о вѣломъ июльскомъ разговорѣ, что Красильникову пришлось долго напоминать намъ:

— Ну, какъ же! Я вѣдь съ тѣхъ поръ самъ не свой... Ѣздилъ даже въ Кіевъ, видѣлся съ Маевскими, но они божатся, что ничего не знаютъ... Я заснуть не могу! Можетъ быть, теперъ это, наконецъ, можно выяснитъ...

Я бросилъ взглядъ на Кувшинова: онъ, отвернувшись, прочищалъ мундштукъ; поглядѣлъ на Крысакова... Онъ съ любопытствомъ разглядывалъ картину на стѣнѣ. Я былъ предоставленъ самому себѣ...

— Видите ли, Красильниковъ... Оказалось, что вы въ это ужасное дѣло были замѣшаны случайно... Простое совпаденіе: того человѣка звали Крашенинниковъ. Понимаете? Теперъ все выяснилось, и вы можете быть спокойны. Повѣрьте, что нами... гм!... руководило только товарищеское

чувство, и всѣ мы... Я сейчасъ! Мнѣ тутъ нужно къ одному человѣчку...

Я повернулся и ушелъ, — вѣрнѣе убѣжалъ — домой.

* * *

Проклятая штука — точка зрѣнія.

Съ нашей точки зрѣнія все это тогда, въ жаркій полдень, казалось такимъ веселымъ, забавнымъ, непринужденнымъ...

У Красильникова же оказалась своя точка зрѣнія.

Аркадій Аверченко.

ВЫ ЛЮБИТЕ ЛИ СКАЗКИ?

Если вамъ кажется наивнымъ — пусть!

Я хочу подѣлиться все же:

Въ моемъ сердцѣ прекрасная, тихая грусть,

Которая всѣхъ радостей дороже...

Вы любите ли сказки? Не вѣрю, что нѣтъ!

Теперь вы большіе, но были дѣти...

О какъ жаль, если и до теперешнихъ лѣтъ

Съ вами вмѣстѣ не дожили сказки эти.

Вы любите ли сказки? Скажите: да!

Я хочу, чтобы ихъ любили вы, какъ любили.

Мнѣ сегодня грустно, какъ никогда,

Конечно, у васъ тоже такія минуты были.

Грусть блеснула на воспоминанья мои,

Какъ свѣтъ лампы на позолоту кивота...

Прекрасные, далекіе, невозвратные дни!

Господа! Я хочу вамъ разсказать что-то...

Я сегодня въ книжный ходилъ магазинъ

Голубоглазой Талочкѣ купить подарокъ.

Слякоть, извозчики, въ воздухѣ автомобильный бензинъ,

И, какъ изъ раковинъ, гулъ изъ подворотныхъ арокъ.

Дѣтскія сказки есть? — Есть.

И вотъ на прилавкѣ книгъ плотныя связки.

Ахъ, какъ пріятно было прочесть,

Название старой, забываемой сказки.

У меня такая была точъ-въ-точъ:

«Красная Шапочка», въ такой же папкѣ.

Ласковая мать отправляетъ маленькую дочь

Съ гостинцами къ старой и хворой бабкѣ.

Вотъ и картинки: зеленый лугъ —

Такъ и погулялъ на такомъ лугу бы, —

Дубъ столѣтній выпятилъ сукъ,

А изъ-за дуба волкъ скалитъ зубы.

На первомъ планѣ махровый макъ,

У дѣвочки цвѣты на русой головкѣ,

А сказка извѣстна — и что, и какъ,

И чѣмъ окончились волчьи уловки.

Ахъ, сказка все та же, да я не тотъ!

Навернулась улыбка жалко и скупю.

Годъ за годомъ, за годомъ годъ,

И вотъ Красная Шапочка смотритъ глупо...

И вотъ цвѣтовъ такихъ вовсе нѣтъ,

Совсѣмъ безвкусно подобраны краски,

Черной лавиной несокрушимыхъ лѣтъ

Стерло обаянье волшебной сказки.

Я какъ будто бы потерялъ любовь.

Сердце пястью могучей смято.

Я не могу уже творить вновь

Изъ ничего красоту, какъ ребенкомъ когда-то.

Грустно мнѣ, грустно какъ никогда.

Вѣдь у васъ тоже такія минуты были?

Господи! Вы любите ли сказки? Скажите: да!

Я хочу, чтобы вы ихъ любили.

Валентинъ Горянский.

НЕДОНОШЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

(Из записной книжки).

I.

Русскій разсказъ.

На крохотной станціи, расположенной въ такой губерніи, что до нея «хоть три года скачи — не доскачешь» — грузили въ вагоны огромныя бочки съ масломъ.

Грузили, какъ грузятъ обыкновенно, но съ одной бочкой вышло неладное: повернулась какъ-то неловко, упала съ брусевъ, треснула, и масло растеклось по глинистому немощенному перрону.

Поѣздъ съ грузомъ ушелъ. Масляная лужа осталась. Грузчики посмотрѣли на нее, повздыхали, почесали затылки и, подумавъ, смазали сапоги: очень ужъ хорошее было масло...

Когда они ушли, подошелъ къ лужѣ жандармъ, укоризненно посмотрѣлъ на нее, покачалъ головой и, наконецъ, подобралъ полы шинели, тоже смазавъ сапоги... Зачѣмъ пропадать маслу!...

Послѣ жандарма его примѣру послѣдовали ламповщикъ и смазчикъ, до этого постукивавшій по рельсамъ молоточкомъ; послѣ смазчика — странникъ, у котораго ноги были обвязаны тряпками, а сапоги болтались на спинѣ... Этотъ свои сапоги смазывалъ съ особеннымъ чувствомъ... Затѣмъ лужу использовала артель рабочихъ, возвращавшаяся съ работы съ лопатами и кирками, и такъ до безконечности.

Черезъ три дня о лужѣ узнали въ ближайшихъ деревняхъ, и мужики за пять и больше верстъ ходили къ ней...

Черезъ недѣлю на десять верстъ въ окружности, считая лужу центромъ, не было ни одного мужика въ несмазанныхъ сапогахъ...

Однако, самое интересное въ этой исторіи то, что, проѣзжая мимо этой станціи черезъ двѣ недѣли, я имѣлъ удовольствіе увидѣть все ту же лужу, правда, нѣсколько сократившуюся и покрытую оранжереями и фіолетовыми пятнами...

Вначалѣ я пробовалъ удивляться и возмущаться, почему лужа не высушена, но вскорѣ махнулъ рукой и искренно пожалѣлъ, зачѣмъ на мнѣ лакированные ботинки, а не сапоги... Зачѣмъ пропадать маслу!...

II.

Ужасъ.

Одинъ мой знакомый — мятуційся, неуравновѣшенный, одинокій, но интересный человекъ — разсказалъ мнѣ такую исторію:

— Когда я учился въ Женевѣ, меня сильно интересовалъ вопросъ о проституціи. Съ пыломъ, который отличалъ всѣ мои тогдашнія начинанія, я рѣшилъ изучить этотъ вопросъ съ возможной полнотой. Начать надо было, конечно, съ быта. Я не нашелъ лучшаго способа, чѣмъ начать столоваться въ публичномъ домѣ. Не помню, кто посоветовалъ мнѣ это, но я нашелъ совѣтъ блестящимъ. Черезъ недѣлю я былъ аккуратнымъ столовникомъ одного изъ типичнѣйшихъ домовъ. Дѣвицы, населявшія его, привыкли ко мнѣ и по-своему даже любили. Я приходилъ обѣдать, бесѣдовалъ со всѣми, втянулся въ кругъ ихъ интересовъ и, повѣрите ли, пересталъ думать о томъ, что въ этомъ домѣ происходитъ что-либо необычное и печальное!... Инерція, охватившая обитателей этого дома, была до того сильна, что когда въ семь часовъ вечера раздавался голосъ: «Барышни, пожалуйста въ залу!» — то, безсознательно, вмѣстѣ съ барышнями выходилъ въ залу и я...

... Я помню, когда онъ разсказывалъ мнѣ эту исторію, въ глазахъ его было выраженіе непередаваемой боли, и несмотря на комизмъ и «пикантность» его разсказа, эту боль почувствовалъ и я.

III.

Разсказъ о карьерѣ чеченца.

17-лѣтній чеченецъ попалъ въ Петроградъ. Конечно, его карьера наладилась быстро: черезъ двѣ недѣли, одѣтый въ

свой національный костюмъ, онъ разносилъ въ ресторанахъ шашлыки.

Какъ-то пришлось ему подать шашлыки компаніи ужинавшихъ офицеровъ. Одинъ изъ нихъ показывалъ товарищу новенькій револьверъ. Когда подошелъ чеченецъ, онъ, шутя, показалъ револьверъ и ему, спросивъ:

— Нравится тебѣ, небось?

17-лѣтнему чеченцу, влюбленному въ оружіе, не могъ, конечно, не понравиться новенькій блестящій револьверъ: не сдержавъ своего бурнаго восторга, чеченецъ схватилъ револьверъ и поцѣловалъ его.

Офицерамъ такъ понравился порывъ чеченца, что они стали чаще бывать въ этомъ ресторанѣ, а вмѣстѣ съ ними и другіе военные.

Прошло тридцать лѣтъ.

У чеченца давно прошла молодая пылкость, а страстная любовь къ оружію смѣнилась мелкими житейскими заботами...

У него уже сынъ учился въ гимназіи, а ресторанъ на три четверти былъ его собственностью...

Тѣмъ не менѣе, шашлыки онъ все-таки продолжалъ разносить, а когда у него обѣдали или ужинали военные, онъ умѣло заводилъ рѣчь объ оружіи, кто-нибудь показывалъ револьверъ, и старый чеченецъ, зная, какое это производитъ впечатлѣніе, цѣловалъ револьверъ, думая въ это самое время о томъ, сколько надо получить по счету...

Ефимъ Зозуля.

СКАЗОЧКА.

Одинъ начальникъ станціи доставалъ всѣмъ за приличное вознагражденіе наряды на вагоны.

И въ концѣ концовъ досталъ нарядъ на самого себя...

Нарядъ этотъ состоялъ изъ сѣраго халата съ бубновымъ тузомъ на спинѣ и пары желѣзныхъ браслетовъ...

Дѣти! живите скромно и избѣгайте наряжаться безъ толку...

Волкъ.

Рис. Н. Д.

УБИТОЧНОЕ ПРЕДПРІЯТІЕ.

- Посыльный! Снесите письмо на Жуковскую...
- Пять рублей стоитъ.
- О, Боже! Но вѣдь я въ письмѣ прошу три рубля взаймы.

*) Любопытенъ и характеренъ „подходъ“ къ одной и той же темѣ — поэта и прозаика. Въ прошломъ № напечатаны были стихи В. Горянского на ту же приблизительно тему... И что же! Поэтъ убиваетъ своего чеченца. А прозаикъ шадитъ его и даруетъ ему жизнь. Но — что это за жизнь! Самая прозаическая.

(Примѣчаніе редактора.)

ОСУЩЕСТВЛЕННЫЯ МЕЧТЫ.

И шумъ, и гамъ на ярмаркѣ;
 Волнуется народъ:
 У букиниста ветхаго
 Мужикъ товаръ укралъ. —
 Изъ-подъ прилавка шаткаго
 Стянулъ онъ сочиненія
 Бѣлинскаго и Гоголя
 И скрылся въ тотъ же мигъ...
 И букинистъ ну плакаться
 И клясть судьбу нещадную...
 А я подумалъ такъ:
 «Напрасно убиваешься!
 Поступокъ вора этого
 Ты долженъ оправдать:
 Вѣдь онъ мечту завѣтную
 Осуществилъ Некрасова,
 Который говорилъ:
 «Придетъ ли только времячко, —
 Приди, приди, желанное, —
 Когда мужикъ не Блюхера
 И не «Милорда» глупаго, —
 Бѣлинскаго и Гоголя
 Съ базара понесетъ!..»
 Такъ пусть же убивается,
 Забывъ слова поэтовъ,
 Невѣжда-букинистъ!
 Но тѣ слова высокія
 Мы знаемъ наизусть,
 И, видя воплощенными
 Мечтанія Некрасова,
 Въ душѣ ликуемъ мы,
 Что наконецъ-то дожили
 До праздника желаннаго,
 До чаемаго дня!..»

Недотыкомка.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Младенцовка.

Какъ-то въ „Сатириконѣ“ Арк. Аверченко напечаталъ фельетонъ, въ которомъ разсказывается о хозяинѣ, угощавшемъ гостей настойкой изъ анатомическаго кабинета — „младенцовкой“.

Жизнь вприпрыжку мчится за фельетономъ и кажетъ изумленнымъ окружающимъ уродливое лицо свое:

Въ анатомическомъ театрѣ медицинскаго факультета г. Одессы хранятся въ герметически закупоренныхъ стеклянныхъ посудахъ, наполненныхъ спиртомъ, различные органы человѣческаго тѣла, представляющіе извѣстный интересъ для науки. Въ спиртѣ хранятся также трупки новорожденныхъ младенцевъ съ извѣстными физическими изъянами или аномаліями.

На-дняхъ въ помѣщеніи, гдѣ хранятся эти препараты, начало чувствоваться зловоніе... Вскорѣ выяснилось, что одинъ изъ дѣтскихъ трупиговъ подвергся разложенію.

Тутъ же было установлено, что вмѣсто спирта въ банкѣ находится вода, причѣмъ въ верхней части банки имѣется отверстіе, черезъ которое проникалъ воздухъ.

Призванный къ допросу служитель этого помѣщенія, на котораго пало подозрѣніе, не долго запираясь, сознался, что, не имѣя возможности удовлетворить потребность въ алкогольѣ, онъ извлекъ изъ банки спиртъ и выпилъ его... Чтобы скрыть слѣды, онъ заполнилъ банку водой.

А возмущенный этой замѣной младенецъ разложился и выдалъ съ головой неприхотливаго любителя младенцовки.

Тяжелое лишеніе.

Тыль тоже не лишень тяжелыхъ раненій и увѣчий. И если въ тылу не теряютъ рукъ и ногъ, то создаются еще болѣе худшія условія, чѣмъ на войнѣ, когда можно лишиться такого необходимаго придатка, какъ голова, безъ особенной надежды скоро найти ее.

Таврической губернаторъ обратился въ министерство вн. дѣлъ съ заявленіемъ, что въ г. Феодосіи никто изъ гласныхъ не желаетъ баллотироваться въ городскіе головы и что у него, губернатора, нѣтъ кандидатовъ, изъ которыхъ онъ могъ бы выбрать лицо для назначенія его на должность феодосійскаго городского головы. Таврической губернаторъ поэтому проситъ сообщить ему, нѣтъ ли въ министерствѣ вн. дѣлъ кандидата въ феодосійскіе городскіе головы по назначенію.

Мы думаемъ, что не мало провинціальнаго городовъ, гдѣ обыкновенная курица сейчасъ стоитъ два рубля, а простое сливочное масло полтора — охотно подѣлились бы своими городскими головами съ Феодосіей. Только вѣдь мало имѣтъ голову для города: хорошо обзавестись еще и собственной.

Растрата казенныхъ денегъ.

3 января сего года г. О. Сирота въ „Днѣ“, обозрѣвая дѣятельность лазаретовъ по обученію раненыхъ, между прочимъ, отмѣчаетъ, что Краснымъ Крестомъ изъ вырученныхъ за издѣлія денегъ

— „раненымъ выплачено свыше 100.000 р.“.

Спустя 4 дня г. Философовъ въ „Рѣчи“, обращаясь къ той же темѣ, констатируетъ, что изъ денегъ, вырученныхъ Краснымъ Крестомъ за работу раненыхъ, уже только „семь тысячъ перешло въ руки раненыхъ“.

Куда же, спрашивается, дѣвались въ теченіе времени съ 3 по 7 января 93.000 руб. честно заработанныхъ денегъ?

Философовъ ли отнесся къ нимъ философически или Сирота по своему сиротскому положенію ограбилъ Красный Крестъ?

Ясно только одно: путешествуя изъ редакціи „Дня“ въ редакцію „Рѣчи“, эта отвлеченная стотысячная сумма растаяла почти безъ остатка...

Жулики.

Сотруднику „Новаго Времени“ разсказывали о нынѣшнихъ желѣзнодорожныхъ дѣлахъ:

— Изобрѣтательность мошенниковъ, — разсказывали мнѣ здѣсь, — доходить чортъ знаетъ до чего. Образовалась, напримѣръ, шайка воровъ, повидимому, очень большая, которая занимается перекраской номеровъ на вагонахъ.

— Зачѣмъ же это? — удивился я.

— А очень просто. Представьте себѣ, что вотъ на товарной станціи получается накладная, сообщающая о томъ, что прибыли такіе-то и такіе-то вагоны, за такими-то номерами и съ такимъ-то грузомъ. Выходитъ пріемщикъ принимать вагоны, ищутъ эти номера, а ихъ оказывается нѣтъ. Прибыли какіе-то другіе номера. Ну, сейчасъ начинается, конечно, всякая переписка, а пока прибывшіе вагоны либо забрасываютъ куда-нибудь на запасные пути, либо отсылаютъ назадъ, гдѣ ихъ тоже не принимаютъ. А вору, конечно, ведутъ учетъ этимъ вагонамъ. Устраиваютъ подложныя накладныя и преспокойно получаютъ грузы.

„Преспокойно получаютъ грузы“...

Вотъ это именно и плохо, что преспокойно.

Желѣзнодорожная администрація работаетъ преспокойно, жулики работаютъ преспокойно и только одинъ несчастный обыватель чувствуетъ себя совсѣмъ не спокойно.

Разносторонность.

Изъ объявленій „Нов. Времени“:

А Р Т И С Т К А

жел. получ. мѣсто въ миниатюрѣ, она же —
 піанистка, бібліотекарша и конторщица,
 знакомая съ судейскими дѣлами.

Если бы эта гениально одаренная женщина умѣла, кромѣ того, писать ногами картины и пѣть въ это время басомъ — всѣ театры миниатюрѣ разорвали бы ее на части.

СЛУЧАЙНЫЯ МЫСЛИ.

VII.

Публицистика похожа на кипящій самоваръ; шумъ есть, но выкипаетъ вода.

VIII.

Въ театрѣ мужскаго — только самое слово «театръ». Все остальное: — комедія, трагедія, драма, пьеса, кулиса, рампа, антреприза, режиссура, овація, бутафорія, ложа, рецензія, уборная и даже интрига, — женскаго рода.

IX.

Мое поколѣніе пишушихъ было послѣдними читателями; за нами идутъ уже только писатели: они ничего не читаютъ.

X.

Молодые писатели, входящіе въ славу — задумчивы.

Петръ Пильскій.

БОЛЬШЕ СТАРИКИ.

А. С. Суворинъ: — Дѣти-то мои все дерутся и дерутся между собой...
Л. Н. Толстой (сокрушенно): — Мои еще хуже — пишутъ!..

Рис. Миссѣ.

НА ВЫСТАВКѢ НОВЫХЪ ТЕЧЕНІЙ.

— Мама! Почему у картины ногъ нѣтъ?

— Зачѣмъ же картинѣ ноги?

— А тогда видно сразу: вверхъ ногами картина виситъ или нѣтъ...

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Скромность Л. Урванцова, драматурга и писателя — увы, никогда не войдетъ въ поговорку!...

О своей пьесѣ онъ говоритъ въ одной изъ вечернихъ газетъ такъ:

*Почетный отзывъ, это — признаніе за пьесой ея литературныхъ достоинствъ.**И присужденіе почетнаго отзыва моей комедіи было для меня большимъ торжествомъ, несмотря даже на то, что послѣдняя моя пьеса, „Въра Мирцева“, которая до сихъ поръ не сходитъ съ репертуара, дала мнѣ пережить не меньшее торжество.**Теперь о моей комедіи.**Да, „Благодать“, это — чистая русская комедія, не лишенная юмора и подчасъ злой сатиры.**Вотъ оно — дождался наконецъ! Судя по тому, что говоритъ авторъ (а ему виднѣе), „Благодать“ будетъ вторая послѣ „Ревизора“ вещь...*

* * *

Принципіальный вопросъ изъ области желѣзнодорожной этики: можно ли сидѣть на дочери начальника станціи?

— Можно, — косвенно отвѣтилъ писатель г. М. Влагинъ въ „Лукоморьѣ“. — Я самъ на ней сидѣлъ.

Вотъ фраза изъ его романа:

Вспоминая всѣхъ, я думаю, что никого никогда я не любилъ, кромѣ Жени, дочери начальника станціи, на которой я сидѣлъ когда-то въ заносахъ.

До чего упалъ русскій писатель въ смыслѣ поведенія!

Тургеневъ, Бѣлинскій, Писаревъ или Добролюбовъ — никогда не позволили бы себѣ сидѣть не только на дочери начальника станціи, но даже на своячинницѣ путевого сторожа!...

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

*(Непринятая рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)**Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)*

А. Петроградъ.

Айлюляву. — Этотъ авторъ, очевидно, никогда не видѣлъ живой коровы... Вотъ что онъ о ней пишетъ:

„... корова подняла одну лапу и сердито посмотрѣла на меня...“

Счастье ваше, что она не оцарапала васъ когтями.

А теперь поговоримъ серьезно... Послушайте: если даже корова смотритъ на васъ сердито, то чего вы можете ожидать отъ редакторовъ, у которыхъ вы отнимаете драгоценное время?..

М. О. О. (Фонарн. пер.). — „Этимъ стихотвореніемъ я начинаю свою литературную карьеру:

*Осенній дождикъ мороситъ
По улицъ безлюдной.
И старушка на доскахъ сидитъ
Съ миной безпріютной“.*

Этимъ же стихотвореніемъ ваша литературная карьера и окончится.

Снимите старушку съ досокъ, отправьте ее домой, а сами займитесь дѣломъ.

Симплициас'у. — „Сегодня ко мнѣ снова влетѣла муза...“

И двойныя рамы не помогли... Охо-хо!..

Б. Провинція.

Рыбинскъ. Прянишникову. — Какая хорошая душа у Прянишниковова:

„Господинъ редакторъ! Я очень люблю вашъ журналъ и васъ, и уже 3 года, какъ пишу для васъ, но не посылаю. Почему? Да потому, что вы надъ всѣми смѣтаетесь и мнѣ было бы больно, если бы вы и надо мной смѣялись. Такъ хочется кого нибудь любить безъ разочарованія... Вотъ и теперь: препроводительное письмо пишу, а стиховъ не посылаю...“

Милый, милый Прянишниковъ! Не бойтесь — никто не будетъ смѣяться. У насъ тоже есть сердце, и это сердце вы расшевелили! Присылайте, что тамъ у васъ есть, смѣло.

Харьковъ. Кавуну. — Ничего хорошаго не написалъ Кавунъ:

*„Любовь приходитъ только разъ,
А остальные (?) — увлеченье.
Любовь — она экстазъ,
А увлеченье — развлеченье“.*

Вы бы, Кавунъ, лучше не писали стиховъ. Ну, зачѣмъ они вамъ?

Одесса. Цицивилу'. — „Нѣсколько замѣчаній по поводу вашего журнала... Позвольте мнѣ быть тѣмъ яйцомъ, которое учитъ курицу“. — И т. д. на 7 страницахъ...

Опытная курица сразу видитъ, что яйцо — болтунъ.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.**Гдѣ** бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ**ВЪ РЕСТОРАНѢ**
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
НОВАЯ КНИГА:**Аркадій Аверченко.****„О МАЛЕНЬКИХЪ — ДЛЯ БОЛЬШИХЪ“.**

Разказы о дѣтяхъ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
НОВАЯ КНИГА:**Тэффи.****„Неживой звѣрь“.**

Цѣна 1 руб. 25 коп.

4-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 годъ

на ежедѣльный журналъ сатиры и юмора
„Новый Сатириконъ“.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

52 номера богато иллюстрированного красочными **52**
рисунками и карриатурами журн. больш. формата.
Рисунки и текстъ лучш. русскихъ художн. и писателей.

3 БЕЗПЛАТН. Кромѣ того, всѣ годовые под- БЕЗПЛАТН. **3**
ПРЕМИИ: писчики получаютъ ПРЕМИИ:

Одну обильно иллюстрированную книгу:

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РУССКОЙ КОНСТИТУЦИИ.

Въ звучныхъ, мѣткихъ, какъ ударъ толедской шпаги, стихахъ будетъ отражено все большое и маленькое, смѣшное и печальное, все бѣлое и черное, что произошло за эти удивительныя 10 лѣтъ.

„ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ НОВАГО САТИРИКОНА“.

Если когда-нибудь существовало сомнѣніе въ томъ, что Сатириконцы заботились о своихъ читателяхъ, какъ пеликаны о своихъ дѣтяхъ, то теперь эти недостойныя сомнѣнія должны съ грохотомъ пасть. Сатириконцы отрывають лучшіе куски души своей и отдаютъ ихъ читателямъ: нате, кушайте!

Расширеніе умственного и научнаго кругозора нашихъ читателей есть первѣйшая забота руководителей журнала. Поэтому вниманію читателей предлагаются:

3 первыхъ выпуска „Вѣстника Знанія Новаго Сатирикона“.

1. ХРЕСТОМАТІЯ ГАЛАХОВА, примѣнительно къ взрослымъ.
2. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ. (Смѣшно, если бы мы остановились передъ грандіозностью задачи. Нужно — значить нужно. И нечего тамъ разговаривать.)
3. СПИРИТИЗМЪ И ОККУЛЬТНЫЯ НАУКИ. (Даже объ этомъ мы подумали.)

ТЕАТРЪ И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ. Альбомъ шаржей Работа извѣстнаго художника РЕ-МИ (Н. Ремизова). Артисты. Критики Рецензенты. Драматурги и проч.

НВ. Незнакомыхъ или неизвестныхъ лицъ въ этомъ альбомѣ не будетъ... Если даже кто-нибудь изъ таковыхъ и попадетъ случайно въ альбомъ, то пребываніе такого лица въ этомъ альбомѣ уже сдѣлаетъ его извѣстнымъ, чѣмъ заданіе и будетъ выполнено.

ОТЪ КОНТОРЫ.

Будучи принципиальными врагами всякой трескучей рекламы, мы и на этотъ разъ хотѣли бы удержаться въ рамкахъ строгой литературности, несмотря на то, что цѣль настоящаго объявленія — опредѣленная: подстрекнуть нашихъ читателей на присылку подписныхъ денегъ за нашъ журналъ.

Но... разъ литературность — мы должны быть скромны.

Позволимъ себѣ только привести лестное мнѣніе о подпискѣ на нашъ журналъ такого авторитета, какъ Грибобѣдовъ (слова Фамусова):

— Подписано и съ плечъ долой!

Авторъ этими словами ясно подчеркнул преимущественное положеніе подписчиковъ передъ розничными читателями, жизнь которыхъ полна хлопотъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА безъ доставки **6 р. 80 коп.**, съ доставкой и пересылкой:

Въ Россіи: на годъ **8 руб.**, на $\frac{1}{2}$ года **4 руб.**, на 3 мѣс. **2 руб.**, на 1 мѣс. **70 коп.**
За границу: на годъ **12 руб.**, на $\frac{1}{2}$ года **6 руб.**, на 3 мѣс. **3 руб.**, на 1 мѣс. **1 руб.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

при подпискѣ **3 р.**, къ 1 мая **2 р.**, къ 1 іюля и 1 сент. по **1 р. 50 к.**

ДЛЯ КОЛЛЕКТИВНЫХЪ подписокъ устанавливается особо льготная расрочка, а именно: при подпискѣ **2 руб.** и ежемѣсячно каждое 1-е число по **50 коп.**

Рис. Ре-ми.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 88.

Телефонъ № 59-07.

Редакторъ: Арнадій Аверченко.

Издатель: Г-во „Новый Сатириконъ“.

Не подмажешь — не поѣдешь.

Не подмажешь — не поѣдешь.

— Господа, чтобы нужда не заставляла вас брать взятки, начальство рѣшило прибавить вамъ жалованья. Теперь начнется у васъ жизнь мирная и тихая

— Господа! Несмотря на то, что я прибавилъ вамъ жалованья — взятки не исчезли?!

— Да, г. начальникъ... Но теперь мы имѣемъ возможность — не брать, а давать ихъ!..